

Я буду держать тебя в объятиях в день после войны: пятое письмо

 Eyes Wide Shut, Motouleng Cave, Clarens – Free State / Накрепко закрытые глаза, Мотоуленг Кейв, Кларенс — Свободный Штат, 2004. Santu Mofokeng / Санту Мофокенг.

Дорогие друзья и подруги,

Приветствую вас из кабинета **Tricontinental: Института социальных исследований**.

В понедельник, 27 января, ушёл из жизни южноафриканский фотограф Санту Мофокенг. Его камера была знакомым присутствием на выступлениях против апартеида; после многолетних съемок полицейского насилия и народной борьбы он устал создавать “образы, говорящие о мраке, однообразии, страдании, борьбе и угнетении”, — как написал он в 1993 году. Именно тогда Санту обратил свою камеру на жизнь чернокожего рабочего класса. “Возможно, я искал что-то, что не поддается фотографированию”, — сказал он. “Возможно, я просто гонялся за теньями. Те, кто ищет будущее, гоняются за теньями”.

Когда будущее мрачно, хочется закрыть глаза.

В середине января Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) опубликовала свой ведущий **доклад** «Мировая экономическая ситуация и перспективы 2020» (*World Economic Situation and Prospects 2020*). Основная тема доклада заключается в том, что темпы глобального роста в этом году не будут впечатляющими, и что наиболее могущественные государства вновь будут полагаться на снижение процентных ставок для обеспечения ликвидности для рынков. Среди основных экономистов и банкиров существует фундаменталистская точка зрения, что ввод капитала на рынки приведет к инвестициям, которые затем могут повысить темпы роста. Как показывает ЮНКТАД, эта точка зрения является иллюзией, поскольку ликвидность может направиться в финансовые рынки, а не в инвестиции в производство, сектор услуг или в финансирование человеческих потребностей. Перегруженная денежно-кредитная политика, как отмечается в докладе ЮНКТАД, “оказалась недостаточной для стимулирования инвестиций, которые во многих странах сдерживаются не столько финансовыми издержками, сколько неопределенностью и отсутствием деловой уверенности”.

Огромный объем мирового долга был “направлен на финансовые активы, а не на повышение производственного потенциала, что свидетельствует о тревожном разрыве между финансовым сектором и реальной экономической деятельностью”. Даже когда

капитал идёт в производственный сектор, он не обязательно увеличивает занятость; феномен “безработного роста” часто становится его итогом. Капитал перетекает в суверенные облигации с отрицательной доходностью, что свидетельствует о пессимистичном отношении рынков капитала к будущему экономическому росту. Это говорит о глубоком расстройстве настоящей системы, как мы показываем в нашем январском **досье номер 24** — *Мир колеблется между кризисами и протестами*.

Учитывая отсутствие темпов роста, решением центральных банков стало снижение процентных ставок. Федеральный Резервный банк США, как банкир последней инстанции, снова снизил ставки. Ставка находится между 1,5% и 1,75%, что дает Федеральной резервной системе очень мало возможностей для дальнейшего снижения ставок, если произойдет еще один финансовый кризис или даже более глубокий спад экономического роста. “Чрезмерная зависимость от денежно-кредитной политики”, — пишут экономисты ЮНКТАД, — “не только недостаточна для оживления роста; она также влечет за собой значительные издержки, включая усиление рисков финансовой стабильности”. Низкие процентные ставки позволяют финансовым рынкам брать кредиты в ситуации, когда риски занижены; в результате на финансовых рынках наблюдается более безрассудное поведение, активы переоценены, а мировой долг, скорее всего, взлетит до небес.

Farmers / Фермеры, 1950-е. Ali Imam / Али Имам.

С момента восхождения неолиберальной ортодоксии, правительства стали вынуждены использовать только денежно-кредитную политику — такую как манипулирование процентными ставками — в качестве средства вмешательства в экономику. Фискальная политика — например, использование бюджета для сбора средств на государственные расходы — рассматривается как неэффективный способ действия для правительств; вместо этого их поощряют к снижению налогов и сокращению расходов. Если частный капитал не делает необходимых инвестиций в общество, тогда правительствам приходится привлекать средства для осуществления значительных государственных инвестиций. Другими словами, по мнению ЮНКТАД, это потребует “согласованной политики декарбонизации энергетики, сельского хозяйства и транспорта; осуществления целевых инвестиций в инфраструктуру для расширения доступа к чистой и возобновляемой энергии, чистой воде и транспортному сообщению; и поддержки равных возможностей в доступе к высококачественному образованию, здравоохранению и формальной занятости”.

Ничего подобного не привлекло внимание усталых руководящих лиц, которые прибыли на Всемирный экономический форум в Давосе, Швейцария. Они говорили об изменении климата так, словно это была новая проблема, и как будто это можно было рассматривать в отрыве от приливных волн финансовой нестабильности и пустынь капиталовложений, которые угрожают жизни миллиардов людей. Каждый год для участников Давоса Оксфам выпускает свой ошеломляющий **доклад** о глобальном неравенстве. Доклад этого года показал, что 2153 миллиардера в мире имеют больше богатства, чем 4,6 миллиарда человек, которые составляют 60% населения планеты. Некоторые цифры в этом отчете, настолько поразительны, что их следует читать снова и снова:

- Богатство 22 самых богатых мужчин в мире превосходит богатство всех женщин Африки.
- Богатство 1% самых богатых людей в мире больше чем в двое превосходит то, чем владеет 6,9 миллиардов человек.
- Если бы вы сберегали по \$10 000 долларов в день с тех пор, как пирамиды были построены в Древнем Египте, примерно пять тысяч лет назад, сегодня у вас была бы всего лишь пятая часть среднего состояния пяти самых богатых миллиардеров мира.
- Женщины и девочки ежедневно посвящают 12,5 миллиардов часов неоплачиваемой работе по уходу, внося по меньшей мере \$10,8 триллионов долларов в год в мировую экономику — это превосходит более чем в три раза размер мировой технологической индустрии.

Prisoners / Заключенные, 1957. Inji Efflatoun / Инджи Эффлатун.

Учитывая такое неравенство, неудивительно, что разговоры в Давосе кажутся сухими, даже потусторонними. Два экономиста из Давоса пишут о позитивных сигналах в экономике, прикрываясь прекращением торговых столкновений между Соединенными Штатами и Китаем и подчеркивая рост потребительских расходов. Они ничего не говорят о неравенстве или о том, что потребительские расходы основаны на дешевом кредите и высоком долге. Эти экономисты заканчивают свою записку любопытным заявлением: “Более локальные проблемы, такие как беспорядки в Латинской Америке и замедление роста в Индии, также вызывают беспокойство”.

Vietnam / Вьетнам, 1971. Silvano Lora / Сильвано Лора.

Беспорядки в Латинской Америке? Скорее центр волнений в Латинской Америке указывает на ряд операций по смене режимов (которые свергли правительство в Боливии, и пытались — и в конечном счете провалились — свергнуть правительство в Венесуэле) и репрессии со стороны государства против протестующих (в Чили и Эквадоре). Насилие, которое мы видим в Латинской Америке **было навязано** на это полушарие империализмом и местной олигархией. Называя их “беспорядками”, их пытаются выдать за анархию; в действительности, они объективное следствие государственной политики, продиктованной из Вашингтона и из закрытых сообществ латиноамериканских олигархов, которые пытаются дестабилизировать регион и сохранить контроль в руках богатейших.

Год назад, США и их союзники из группы Лима, пытались организовать переворот против правительства Венесуэлы. Гибридная война против народа Венесуэлы выросла вокруг **режима санкций**, которая вызвала резкое сжатие экономики Венесуэлы и привела к гибели по крайней мере 40 000 человек. Эта война против Венесуэлы привела к крайней нестабильности во всей Латинской Америке, но в особенности в соседней Колумбии.

В кратком **заявлении**, Верховный комиссар ООН по правам человека указал на “ошеломляющее количество” убийств лидеров социальных и политических движений. Убийцами являются, по предположению ООН, “криминальные группировки и вооружённые формирования, связанные с незаконными видами деятельности в районах, покинутыми РВСК-АН (**FARC-EP**). Другими словами, правые военизированные группировки и связанные

с ними банды наркоторговцев воспользовались мирным договором, подписанным левыми, чтобы терроризировать сельскую местность. В **досье** (декабрь 2019) **Института социальных исследований Tricontinental**, посвящённого Колумбии, аргументируется, что Колумбийская олигархия не хочет мира, потому что это повлечёт за собой смещение колумбийской политики в сторону народных движений и левых. Продолжение войны — теперь через убийства и запугивания — на руку олигархии. Они предпочитают это насилие демократической политике. 21 января, народ Колумбии вернулся на улицы для другой всеобщей забастовки с перечнем требований, которые тянутся от призыва положить конец неолиберальной экономической политике до закрытия репрессивных полицейских подразделений, которые действуют как эскадроны смерти.

Жуан Педру Седиль, из Национального совета Движения безземельных крестьян (Movimento dos Trabalhadores Sem Terra, MST), **предложил** анализ из 20 пунктов о неудавшемся перевороте в Венесуэле, в центре которого лежит дезориентация внутри сил правой оппозиции перед Боливарианским процессом начатым Уго Чавесом в 1990-е. Хуан Гуайдо, предпочитаемый Вашингтоном кандидат по операции смены режима, потерял поддержку глубоко фрагментированной оппозиции в Венесуэле, после года попыток свергнуть правительство. Гуайдо, бывший председатель Национального собрания, был заменен Луисом Паррой в ходе голосования 5 января. Парра, хотя и член оппозиции, был признан неприемлемой заменой Соединенными Штатами, которые быстро наложили на него санкции и подбодрили Гуайдо продолжать свое индивидуальное восстание. Это спровоцированный олигархией «бунт», который создает хаос в некоторых частях Латинской Америки: бунт богатых, с целью посеять хаос в жизни рабочего класса и бедноты.

В 1964, когда Колумбия снова скатывалась в свою, казалось бы, бесконечную череду войн, поэт-нонконформист Джотамарио Арбелаэс написал трогательное стихотворение о времени “после войны”,

*В день
после войны
если будет война
если после войны будет день
я буду держать тебя в объятиях
в день после войны
если будет война
если после войны будет день
если после войны у меня будут руки
я займусь с тобой любовью с любовью
в день после войны
если будет война
если после войны будет день
если после войны будет любовь*

если будет с чем заниматься любовью.

Сегодня идёт гибридная война и идёт экономическая война, которые создают условия для хаоса.

Идёт экономическая война против планеты, война, у которой нет антивоенного движения.

Эта экономическая война деформирует человеческие стремления, опустошает наши мечты и сокрушает надежды. Если бы самый богатый 1%, богатство которых больше чем в двое превосходит то, чем владеет 6,9 миллиардов людей земного шара — просто платило на 0.5% больше налогов, это собрало бы достаточно инвестиций чтобы создать 117 миллионов рабочих мест в области образования и здравоохранения, в области заботы за детьми и престарелыми. В 2016 году ЮНЕСКО **указало на** то, что для достижения Цели устойчивого развития в области образования страны мира должны будут привлечь по меньшей мере 68,8 миллиона учителей в течение следующих полутора десятилетий — 24,4 миллиона учителей начальных школ и 44,4 миллиона учителей средних школ. Это требование осталось без внимания.

Как далёк от нас день после войны?

С теплотой, Виджай.